

Вступительное слово научного руководителя семинара

А.И. Неклесса

Уважаемые коллеги, тема сегодняшнего разговора — «*Феномен русской власти: преемственность и изменение*». С докладом по этой теме выступит Андрей Ильич Фурсов — директор Института русских исследований Московского государственного университета, заведующий Отделом стран Азии и Африки ИНИОН РАН. Текст доклада был в должное время разослан. Надеюсь, все успели с ним ознакомиться. Тем более что Андрей Ильич был столь любезен, что подготовил также краткие тезисы к докладу — те положения, которые сегодня он и выносит на дискуссию.

Некоторые моменты предстоящего разговора, между тем, я хотел бы кое в чем предупредить и кое-что в них акцентировать.

Начну с определенных ассоциаций. Так, вчера в Москве начала работу XI Международная конференция африканистов, где разговор, в частности, зашел на схожие темы. Думаю, все вы знаете о существовании концепции негритюда, декларирующей особенность африканской расы, ее культуры, социальных и политических институтов. Сегодня в африканском обществе множатся направления социальной мысли — от этнофилософии, сопряженной с традиционализмом и культурным релятивизмом, до признания универсализма общественных явлений и дисциплин, уместности использования соответствующего категориального аппарата для анализа самой разнообразной феноменологии.

Этнофилософы отстаивают позицию, схожую с некоторыми постулатами доклада Андрея Ильича: к примеру, идею партикулярности африканского космоса и, соответственно, его различных проявлений. Так же в русле идей этнофилософии акцентируются особые свойства ментальности афри-

канца, социальных институтов, отражающих особенности географии и климата континента, его культуры и истории. Здесь, собственно, и возникает проблема: в какой степени данные реалии оригинальны; каков их удельный вес в той или иной социальной композиции; что, в конечном счете, перевешивает в интегральной композиции: культурные особенности или универсальные закономерности? И подходит ли для анализа специфических сообществ тот категориальный аппарат, который развит в недрах специфической культуры, причем не просто европейской культуры, а культуры Модернити.

В данной теме, конечно же, много подводных камней — независимо от того, идет разговор о расовых или этнических, культурных или географических особенностях. Либо об обширном, всегда так или иначе культурно окрашенном комплексе противоречий между традиционным и модернизированным обществом. И, кстати, еще один достаточно каверзный вопрос: не скрывается ли за схемами партикуляризма попытка переоформить традиционные институты в формулу альтернативной модернизации, в рамках которой возможны как действенный культурный синтез, так и симуляция институциональных оболочек (квазимодернизация)? Действительно, здесь возникают многочисленные вопросы, на которые в определенной мере дала ответ практика постколониального государственного строительства.

Что бы мне еще хотелось отметить, предваряя разговор, на что обратить внимание? Пожалуй, на комплексность самого русского космоса, что, кстати говоря, отчетливо проявилось в постсоветском периоде истории, породившим ряд независимых, суверенных государств, так или иначе исторически и генетически связанных с Российской Федерацией. А также отразилось на политической структурности современной России, ее федеративном устройстве. И на развитии такого многослойного социокультурного пространства, каким является потенциально глобальный Русский мир.

Но вот что еще более усложняет и без того непростую картину: все эти явления и тенденции существуют в чрезвычайно подвижной среде, в условиях универсальной трансформации привычных институтов власти. Предыдущие наши дискуссии уже показали, что в современном мире — т. е. в системе, все еще доминирующей на планете, — параллельно с сосуществованием — а) институтов эпохи Модернити и б) привычных альтернативных институций (а также вытекающими из данного симбиоза следствий), возникают — в) инновационные политические организмы, что добавляет разбираемой теме дополнительное измерение. Конечно, было бы и разумно, и интересно — к тому же это определенный интеллектуальный вызов — не оставить без внимания общую палитру институтов власти, возникающую на стыке эпох. Что (как мы обсуждали в ходе предыдущих заседаний) заметным образом сказывается на конструировании генеральной «идеальной модели» нового мироустройства, затемняемой эклектикой переходного периода, которая, подчас, и принимается за сущностное содержание данной «идеальной модели».

Так или иначе, этот общий контекст перемен следует учитывать при рассмотрении российских проблем. В противном случае, мы рискуем остаться пленниками прошлых исторических обстоятельств и безоружными перед обстоятельствами исторической новизны. Политическая структурность постсовременного мироустройства является той системой координат, в пространствах которой уже сегодня прокладывается (активно или пассивно, теми или иными субъектами исторического действия) траектория будущего России. И прагматичный аспект предстоящей дискуссии — уяснение перспектив, которые вырисовываются в этом динамичном контексте перед Россией, определение актуальных изменений ее властных институтов, их генетики и направлений мутации.

Проявившиеся особенности российской власти склоняют нас, как мне представляется, рассматривать не только взаи-

моотношения между моно — и полицентричными схемами политической организации, но формулировать и обсуждать оригинальную мозаику «олигархического», кланового, «промежуточного» мироустройства, специфика которого наиболее наглядно представлена феноменом «корпорации-государства». Тут таится много вопросов. Является ли подобная схема политической организации определенным ресурсом? Или она есть историческое обременение? Или своеобразная переходная стадия? Тогда возникает дополнительный вопрос: переходная — к чему? Или же данная система власти, возможно, является — как и ряд других феноменов — в какой-то степени и тем, и другим — в зависимости от обстоятельств? И как в подобной ситуации следует выстраивать алгоритм эффективного действия российской политики?

Наконец, поскольку вектор работы нашего семинара именно обсуждение/проблематизация российской политики, то помимо задачи определения ее горизонтов и характера властной архитектуры, видимо, необходимо также обсудить функциональный аспект: подвижки в методологии и типологии российского политического действия, структуру его актуального алгоритма. К примеру, преимущества/недостатки, порождаемые институциональной и проектной системами в контексте нынешнего статуса российской системы власти...

Но я, кажется, начинаю узурпировать прерогативы докладчика, так что передаю слово уважаемому Андрею Ильичу Фурсову, директору Института русских исследований Московского гуманитарного университета, заведующему Отделом Азии и Африки ИНИОН РАН.